

Когда Ци Цзи сбросил толстовку и спортивные штаны, у Ванъяня перед глазами всё поплыло. Свет потолочной лампы на мгновение показался слишком ярким, выбив землю из-под ног.

Собираясь в клуб, он и помыслить не мог, что потерпит разгром в первый же день. Хвалёная сдержанность бывалого гетеросексуала трещала по швам. Подчинившись глухому животному инстинкту, Ванъянь невольно скользнул взглядом сверху вниз по подтянутому телу, рассматривая каждую рельефную линию. Разум отказывать отказывался — то ли картинка перед глазами застыла, то ли собственные мозги окончательно встали.

Лицо парня казалось совсем юным, чистым, почти прозрачным. Но широкие плечи, чётко очерченные ключицы и выпуклый кадык выстраивали иной образ — соблазнительный, зрелый, мужественный. В одежде он выглядел просто худым, а без неё... В горле у Ванъяня пересохло. Длинные ноги, узкая талия — во всём чувствовалась упругая сила. Из-за низкой посадки белья на нижней части живота проглядывал мягкий, ещё совсем молодой пушок, дышащий какой-то интимной чувственностью.

А главное... Что ж, там действительно было на что посмотреть. Размеры впечатляли.

В звенящей тишине Ванъянь окончательно потерял нить мыслей. Густая краска разом залила шею. О том, что пару секунд назад он ещё кипел от злости на Ци Цзи, геймер благополучно забыл.

Отчётливый силуэт чужого тела стоял так близко, что взгляду буквально некуда было деться. В голове проносился потоком всякий пошлый бред:

«Блядь, чем сейчас мелких кормят? Комбикормом с дрожжами, что ли?»

«Сука, да чьи рты или задницы вообще такое выдержат?»

«Ебать, тут только цирковые глотатели шпаг справятся...»

Пока он ошарашенно переваривал увиденное, Ци Цзи, ни о чём не подозревая, подошёл вплотную и сбил весь градус его похабных мыслей:

— У тебя волосы всё ещё мокрые. Надо скорее высушить, а то заболеешь.

— Мокрые?.. Чего?.. — Ванъянь едва связывал слова.

Лишь спустя пару секунд он судорожно перевёл дыхание и кивнул. Вблизи чёткие черты лица Ци Цзи казались удивительно породистыми и холодными. От этого Ванъянь окончательно запутался в штанинах пижамы, выдёргивая их с удвоенной суетой, а язык начал заплетаться:

— Да понял я, понял. Накинь на себя что-нибудь... Не хрен раздеваться перед кем попало.

Ци Ци недоумённо склонил голову и озадаченно погладил себя по голой груди, словно перепроверяя собственный пол:

— А? Почему? Мы же оба парни, разве нет?

В горле у Ванъяня вспыхнул пожар. Он выдержал паузу, пытаясь подобрать слова, а потом процедил сквозь зубы:

— Парни-то парни, да только среди мужиков гейство сплошь и рядом! А если... а если я, блядь, по мужикам?

Ци Ци и не думал настораживаться, хлопая глазами:

— В смысле?

— Сука... — Ванъянь отвёл взгляд, сделав вид, что снисходить до объяснений выше его достоинства. — Забей. Расскажу — ещё забеременеешь от страха.

Ци Ци ненадолго задумался, осмысливая фразу, и вдруг искренне уточнил:

— То есть тебе нравятся парни?..

Ванъянь онемел. Лицо его бледнело с каждой секундой — до парня дошло, что он сболтнул лишнего. Но, пытаясь скрыть накатившую панику, он выдал из себя презрительный смешок, пуская в ход привычный трёп:

— Сказал же: это просто пример! С какого перепугу мне пацаны сдались? Иди поспрашивай в тусовке! Да у меня девки в постели так текут — хоть прямо там соревновательные заплывы устраивай! Я с этими стримершами столько перетрахался, что мне на целый китайский гороскоп хватит!

Ци Ци, похоже, и правда впечатлился столь яркими подробностями:

— Ничего себе...

«Ну ещё бы, — мысленно ухмыльнулся Ванъянь, принимая этот отклик за благоговение юнца перед опытным самцом. — Знает теперь, кто тут папа». На этой волне он принялся самозабвенно задвигать про пышногрудых красоток с пятым размером и свои «незабываемые ночи с бортпроводницами».

Ци Цзи молча кивал, внимательно глядя на него, а затем перевёл взгляд на то, как тот лихорадочно затягивал пояс, и вкрадчиво спросил:

— Послушай... а откуда у тебя на животе этот шрам?

Разговор мгновенно оборвался. Ванъянь поперхнулся на полуслове, осознав, что оплошал. Он судорожно задёрнул край кофты, скрывая изуродованную кожу — длинные, рваные, бледные рубцы расходились по животу, точь-и-точь ядовитые многоножки.

— В детстве... случайно вышло, — выжал он из себя кривую ухмылку. — Что, уродливо смотрится?

Ци Цзи, сообразив, что задел за живое, тут же поджал губы и сник, превратившись в прежнего безобидного щенка:

— Нет, что ты! Вовсе нет. Просто... должно быть, это было очень больно.

— Больно им, ишь ты! Шрамы украшают мужчину! Откуда тебе знать, мелкий, у тебя ещё и усы-то не выросли, — огрызнулся Ванъянь.

Ци Цзи искренне не понял аналогии и снова невпопад погладил себя внизу живота:

— А? Да вроде всё выросло...

— Ах ты, блядь...

Парировать было нечем. Чтобы заглушить нарастающее бешенство, Ванъянь врубил фен на полную мощность, затапливая комнату гудением и уходя от дурацкого разговора. Пока он сушил шевелюру, Ци Цзи молча достал из шкафа закрытую пижаму и оделся.

Отложив фен, Ванъянь решил вернуться к роли старшего и отвесить новую порцию подколов:

— Так, усвоишь одно правило: свет на ночь не гасим. Я сплю только при включённом.

Накачанный «кролик» уставился на него с искренним удивлением, после чего неуверенно проговорил:

— Но врачи говорят, что спать при свете вредно для гормонального фона и качества сна. Вот ты... по тебе сразу видно, что у тебя хронический недосып.

— Мои проблемы! — Ванъянь не терпящим возражений тоном подмял под себя одеяло и залез

на кровать. — Нацепи маску, если мешает. Свет остаётся.

Яркий свет заливал небольшую спальню. Ваньянь держался нагло, но за этим командным тоном скрывался банальный страх. Он сам не ожидал, что после своего ультиматума у него внутри всё сожмётся от паники: а вдруг тот упрётся?

Раньше, живя с бывшими собутыльниками и сокомандниками, он стеснялся признаться в подобной слабости. Когда все засыпали, он тайком включал экран телефона, чтобы хоть какой-то лучик разгонял мрак. Но сегодня он решил пойти напролом. Хватит! Пусть этот любимчик публики из богатого клуба прочувствует, насколько суров главный токсик азиатского сервера!

Он даже мысленно ухмылялся: «Да пусть у тебя хоть миллионы фанатов, пусть они за тебя горло рвут — а здесь ты будешь плясать под мою дудку!»

Но триумф длился недолго. Послушный с виду парень вовсе не испугался. Более того, он оказался куда догадливее, чем казался.

Ци Ци подошёл ближе, слегка ткнул его пальцем в спину и тихо спросил:

— Ты... темноты боишься, да?

Этот мягкий, бархатный голос прозвучал точь-и-точь как в том роковом рейтинговом матче. Ваньяня будто кипятком обдало. Он вздрогнул и гаркнул, скрывая неловкость:

— Чего-о?! С какого перепугу?!

— Если не боишься, зачем тогда свет оставлять?

— Я... я не боюсь! Я просто свет люблю! Ясность, блядь, люблю, понял?!

— Понял... То есть не понял. Это же и есть боязнь темноты...

— Закрой рот! Ещё слово — и я тебе его сам заткну!

— Ну... я же правду говорю. Если хочешь заткнуть — затыкай. Вот так, да? А-а-а...

— Сука, замолчи! Ты мелкий совсем, что ли?! Я, между прочим, государственную энергосеть поддерживаю! Взносы за электричество плачу, экономику поднимаю! Имею право!

— Не имеешь. Нам в школе говорили: расточительство — это стыдно, а экономия — похвально.

Спустя пару минут словесного фехтования обессиливший Ванъянь признал поражение. Чувствуя себя полным идиотом, он уткнулся носом в стену, зажмурился и буркнул:

— Ладно, хрен с тобой... Гаси свой свет.

Глубоко внутри он понимал, что капризничает. Пора было готовиться к привычному кошмару — такому же, как в далёком детстве, когда после очередных побоев его швыряли в тёмный, глухой чулан.

Конечно, признаться в боязни темноты для него означало упасть ниже плинтуса. Но с тех пор он вырос, поднаторел и научился справляться с паникой. В крайнем случае, у него в запасе всегда оставался проверенный способ — мысленно перебирать параметры двух сотен порномоделей.

Однако собраться с мыслями ему не дали. Внезапно матрас под ним прогнулся — кто-то бесцеремонно взгромоздился на его кровать и слегка потеснил Ванъяня к краю.

Он вздрогнул от неожиданности, а прямо над ухом раздался спокойный шёпот:

— Раз ты так боишься темноты, давай я с тобой лягу? Мне выдали полутораспальную кровать, потому что я высокий и кручусь во сне, а тебе поставили точно такую же, чтобы никому обидно не было... Тут двоим места за глаза хватит.

У Ванъяня кровь отлила от лица. Мозг отказывался переваривать всё бремя этой идеи. А сожитель, будто для него в совместном сне двух «натуралов» не было ничего из ряда вон выходящего, уложил голову на закинутую руку и как ни в чём не бывало переключился на другую тему:

— Кстати, у тебя никнейм настолько известный, что менеджер, похоже, даже забыл нас познакомить... Как тебя по-настоящему зовут?

— Ты... а ну слезь с меня! Ты...

Ванъянь пыжился изо всех сил, изображая невозмутимость, хотя внутренне паниковал на пределе. Не найдя ни одного разумного предложения выставить парня, он под напором расспросов смущённо отодвинулся к самому краю и сквозь зубы выдавил:

—...Цинь Цзюэ. Меня зовут Цинь Цзюэ.

Голос его прозвучал непривычно — мягко и приглушённо, утонув в толще одеяла. Лишь сейчас, оказавшись в одной постели, они по-настоящему представились друг другу.

Цинь Цзюэ сам не заметил, насколько тихо произнёс своё имя. Ци Цзи, едва разобрав слова, с детским любопытством протянул к нему открытую ладонь:

— А какой именно «Цзюэ»? Напиши у меня на руке, а?

При тусклом свете у Цинь Цзюэ была тысяча способов отказать: настучать иероглиф в телефоне, нацарапать на бумажке или просто объяснить по составным частям. Но этот мягкий, едва ли не карамельный тон подействовал на него гипнотически. Словно под чарами, он подчинился и вывел указательным пальцем на чужой горячей ладони иероглиф «Цзюэ» — знак расколотого нефрита, не несущий в себе ничего хорошего.

Зимняя ночь дышала тишиной. Ци Цзи со светлой улыбкой аккуратно сжал пальцы, будто пряча написанное имя в кулак, и спросил:

— Ну что... гашу свет?

— Угу... — буркнул Цинь Цзюэ.

В голове у него будто оркестр из сотни китайских рожков-суона выдавал оглушительный марш. Мозг отказывался осмысливать безумие происходящего: первый же день в клубе — и он спит в одной кровати с этим парнем!

Ци Цзи щёлкнул выключателем. Комната погрузилась во мрак, но на тумбочке остался лежать телефон экраном вниз, отбрасывая мягкий, спасительный ореол. Цинь Цзюэ замер, ощутив, как сжимается сердце от этой щемящей, неожиданной заботы.

Спустя пару секунд в темноте снова раздался спокойный голос, заставив сердце Цинь Цзюэ забиться ещё чаще:

— Вот так совсем не страшно, правда? Засыпай. Я рядом и никуда не уйду. Завтра, пока я тебя не разбужу, даже не думай вставать...

Парень сделал небольшую паузу и с напускной строгостью скопировал недавний грозный тон самого Цинь Цзюэ:

— Понял?